

УДК 323. 116:2.64(470.56)

Информация о статье:

И.В. Волков

Поступила в редакцию: 04.01.2016

Передана на рецензию: 06.01.2016

Получена рецензия: 28.01.2016

Принята в номер: 25.03.2016

**Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане
 как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии**

«Общество изучения истории отечественных спецслужб»; ivolga54@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы этноконфессиональных отношений на российских территориях в дореволюционной Средней Азии. Это представляется необходимым для понимания современных этноконфессиональных процессов в Центральной Азии, поскольку без знания прошлого трудно разобраться в настоящем и тем более прогнозировать их развитие в будущем. В ней анализируются проблемы этноконфессиональных отношений в доисламском Туркестане, они рассматриваются в период господства религии Пророка, а также во время пребывания края в составе Российской империи.

Автор указывает, что в разное время этноконфессиональные отношения в Туркестане неодинаково, но существенным образом влияли на религиозную жизнь в регионе, придавая ей многие своеобразные и неповторимые черты. Они были основой межцивилизационного взаимодействия народов Средней Азии, которое было одинаково выгодно каждому из них. Но, главное – они обеспечили возможность мирного сосуществования христианских и иных неисламских конфессий Русского Туркестана с многочисленными последователями ислама.

Ключевые слова: *ислам, Туркестан, этноконфессиональные отношения, христианство, иудаизм.*

The paper addresses the issues of ethnic-confessional relations in the Russian territories in pre-revolutionary Central Asia in order to contribute to better understanding of modern ethnic-confessional processes in Central Asia. The author analyses ethnic-confessional relations in pre-Islamic Turkestan, then in the period of the Prophet's religion domination, as well as during Turkestan's being part of the Russian Empire.

The author specifies that at various times ethnic-confessional relations in Turkestan significantly, though differently, influenced the religious life in the region, adding to it a lot of peculiar and unique features. They were the basis of mutually beneficial interactions between the civilizations of Central Asia's peoples. Most importantly, they provided conditions for the peaceful co-existence of Christian and other non-Islamic communities of Russian Turkestan with numerous Muslims.

Keywords: *Islam, Turkestan, ethnic-confessional relations, Christianity, Judaism.*

Введение

Сегодня мы наблюдаем все возрастающее напряжение на Ближнем Востоке: рушатся государства, в регионе распространяются хаос и религиозный экстремизм, который выплескивается с миллионами беженцев в Европу, создаются новые провинции «халифата» (террористической организации «Исламское государство», запрещенной в РФ группировки) по всему миру, нарушается межконфессиональное равновесие. Экстремизм, прикрывающийся исламскими лозунгами, продолжает способствовать формированию отрицательного образа ислама в мировом общественном сознании.

В условиях глобализации, казалось бы, «далекие» и чужие проблемы затрагивают всех, и никакие заборы не помогут Европе остановить поток беженцев с Ближнего Востока. А создание, например, на острове Минданао филиппинской провинции «халифата» «ИГ» (террористическая организация, запрещенная в РФ) представляет большую опасность как для самих Филиппин, так и для других стран Юго-Восточной Азии и Австралии, потому что завтра именно их граждане могут стать главными мишенями для террористических атак боевиков.

Как правильно указывает профессор Яхьяев М.Я., чтобы противостоять этим процессам, «нужен целый комплекс мероприятий экономического, политического, социокультурного характера, устраняющий конкретные условия и причины экстремистской трансформации исламской религиозной идеологии и практики. Поэтому крайне актуальны ускоренная модернизация российского общества, выведение депрессивных регионов России из состояния прогрессирующей архаизации и маргинализации» [12, с.75].

При этом надо учитывать, что модернизация будет возможна только в условиях межконфессионального мира и согласия. Положительный опыт решения подобного комплекса мероприятий в нашей истории имеется. Поэтому предметом нашего научного интереса выступает система этноконфессиональных отношений, выстроенная царской Россией в регионе, где ислам исповедовало фактически абсолютное большинство населения – 93 %, способствовавшая интенсивному социально-экономическому развитию Русского Туркестана.

Межрелигиозные отношения в Туркестане

Когда речь заходит о Русском Туркестане, то вряд ли возникает необходимость в обозначении хронологических рамок исследования. Подобно таким понятиям, как Британская Индия, Французская Африка, Бельгийское Конго и т. п., он в них не нуждается, поскольку известны их начальные и конечные даты существования. Любому профессиональному историку известно, что Русский Туркестан существовал с 12 февраля 1865 г., когда была учреждена Туркестанская область [Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) – 2, – Т. 40. Отд. 1. – СПб., 1867. – № 41792 – С. 184], до 9 марта 1917 г. – времени издания приказа туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным о расформировании (ликвидации) одноименного края. Таким образом, Русский Туркестан как реалия, административно-территориальное и историко-географическое понятие просуществовал ровно 52 года в составе Российской империи.

Сегодня можно считать аксиоматичным то обстоятельство, что Туркестан с древних времен (до появления в нем ислама) был средоточием самых различных религиозных конфессий – христианства, буддизма, зороастризма, иудаизма, манихейства и др. По мнению академика В.В. Бартольда и многих других востоковедов, «наиболее распространенной религией в доисламском Туркестане был буддизм» [5, с. 184]. Исследователь Г. Шурц писал о том, что «буддизм, благодаря хитрой поддержке китайцев, уничтожил, в конце концов, воинственную дикость среднеазиатов» [11, с. 90]. Сильные позиции в доисламской Средней Азии имел зороастризм. Кстати, Г. Шурц уверенно заявлял о том, что христианство распространилось в этом регионе раньше зороастризма, на что российский исследователь В.П. Литвинов парировал: «Есть все основания полагать (и это подтверждается данными археологии), что зороастризм появился в Туркестане ещё до рождения Христа, а именно в последние века до н. э.» [5, с. 130].

О распространении манихейства в Туркестане писал известный российский историк Р.Л. Кызласов, причем он отмечал, что позже оно породило «сибирское манихейство» [4, с. 9]. Особенно много манихеев было среди уйгуров Восточного Туркестана. Что касается иудаизма, то существует много версий относительно его появления в Туркестане. В 1996 г. их перечислял в своей монографии известный отечественный туркестановед П.П.

Литвинов [8, с. 135–136]. Сам он склонялся к тому, что религия Моисея утвердилась в Средней Азии ещё до прихода сюда ислама, и что здесь издавна появились приверженцы индуизма. При этом ссылался на мнения А. Вамбери, Г.А. Арендаренко, Л.Е. Дмитриева-Кавказского, Г.Л. Дмитриева и др.

Появление христианства в Туркестане увязывается с деяниями в регионе апостолов Христа, Фомы Близнаца и отчасти Андрея Первозванного [3, с. 3–4; 2, с. 68–71]. «По мнению большинства «светских» (нецерковных) историков, христианство распространилось в Туркестане в III–IV вв., что было связано с переселением сюда сирийских христиан, вызванным усилением гонений римских властей на христиан по всей Империи» [4, с. 131]. Христианство в доисламской Средней Азии было неоднородным – здесь сосуществовали приверженцы различных исторических «интерпретаций» религии Спасителя: несториане, яковиты, мелькиты, «протокатолики», армяне-халкидониты и проч.

За отсутствием выверенных источников нам трудно судить о межрелигиозных отношениях в доисламском Туркестане. Вместе с тем существующие документы не содержат в себе информации о межрелигиозных конфликтах в тот период. Касаясь взаимоотношений христианских «толков» в Средней Азии, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким) склонен обвинять в «раздрае» между ними предательское поведение несториан, особенно в части их отношений к мелькитам (православным) [См.: 3]. Однако его мнение можно считать сугубо субъективным, поскольку оно не подкреплено никакими серьезными данными на сей счет.

П.П. Литвинов считает, что в рассматриваемый период взаимоотношения всех существовавших в Туркестане конфессий носили мирный характер, но о тесном сотрудничестве между ними он предпочитает не упоминать. По его мнению, при всем «многоцветье» конфессионального мира в доисламской Средней Азии вряд ли есть основания «преувеличивать значение мирного сосуществования различных религий в Туркестане». Он полагает, что «оно носило сугубо внешний, поверхностный характер. И не могло носить иного, так как в реальном историческом процессе каждая конфессия всегда старается распространить свое влияние на максимально большее число людей, чем неизбежно входит в трения с другими религиями» [6, с. 116].

С этим мнением можно согласиться, однако хотелось бы заметить, что, касаясь взаимоотношений туркестанских конфессий, П.П. Литвинов почему-то исключает из этого «круга» языческие верования и культы, которых придерживалось большинство населения тогдашнего Туркестана как оседлого, так и кочевого. Причем они в значительной мере были присущи даже тем народам или родам и племенам, которые приняли какое-то из вышеперечисленных вероисповеданий. Безусловно, их нельзя исключать из общего круга этноконфессиональных отношений в Туркестане рассматриваемого периода.

Первое упоминание о мусульманах в Средней Азии относится к середине VII в., когда арабские войска в 654 г. напали на Маймург. Потом они периодически совершали набеги на земли региона, но без попыток исламизации его населения. Попытки тотальной исламизации коренного населения региона, сопровождавшиеся как насильственными действиями, так и политическими, отмечаются в начале VIII в., когда арабский полководец Кутейба ибн Муслим приступил к действительному завоеванию Туркестана.

Современный узбекский историк, академик А.Р. Мухамеджанов пишет о том, что арабы объявили все религии региона ложными и один только ислам единственно правильной верой. Они разрушили храмы и капища, прежде всего зороастрийские, а равно буддийские, христианские, манихейские и др., превратив их в мечети. Сжигалась чуждая арабам религиозная и иная литература. Тем, кто посещал мечети, выдавали по два серебряных дирхема. Принявших ислам освобождали от уплаты налогов. По мнению академика, «понадобилась жизнь многих поколений, чтобы местное население усвоило чуждое ему арабское письмо и снова стало грамотным и просвещенным» [10, с. 64].

Однако, несмотря на «миссионерские» усилия арабов, ислам так и не смог окончательно победить все другие религии Туркестана, хотя следует признать, что он завоевал в регионе весьма сильные позиции. Безусловно, во времена Саманидов и Караханидов ислам выступал как формально «государственная» религия, тем не менее жизнь всех неисламских конфессий Средней Азии продолжалась, но, понятно, не в таких свободных условиях, как в доисламский период. Эти условия во многом смягчились во время монгольского завоевания и их управления Туркестаном. Чингизиды старались ладить со всеми религиозными общинами края, оказывая им покровительство.

Например, христианские «толки» (православные и католики) имели свои узаконенные епархиальные организации (епископии). Свободно функционировали буддийские учреждения и остатки зороастрийских общин. Судя по документам, межрелигиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане монгольского периода были мирными и добрососедскими. Так продолжалось фактически до середины XIV в., пока на рубеже 1330–1340-х гг. католики не устроили политические провокации, которые привели к почти поголовному истреблению всех христиан. При Тимуре (Тамерлане) христианство исчезло из Средней Азии, таким образом, окончательно выпав из всей сложившейся веками системы межрелигиозных и этноконфессиональных отношений в регионе. Вскоре за ним последовали буддизм, зороастризм, манихейство и др.

Любопытно, что П. Литвинов, признавая вину католиков в истреблении христиан в Средней Азии, тем не менее отмечает, что «христианство, с его сложным вероучением, непростой обрядностью, литургией, потребностью в специальных богослужебных учреждениях и т. д., не могло надолго прижиться в регионе, имевшем консервативное сочетание производительных сил и производственных отношений. Возможно, мы первыми указываем на то обстоятельство, что ислам «вытолкнул» христианство из Туркестана именно тогда, когда базис как совокупность указанных отношений вошел (и надолго) в период стагнации существующего в регионе экономического порядка, когда фактически застыл прогресс в развитии хозяйственного производства и торговли. В таких условиях единственно возможной идеологической рефлексией сложившейся «парадигмы» для населения Средней Азии мог быть только ислам» [6, с. 123].

Данное мнение представляется нам серьезным, но не бесспорным, однако мы не станем здесь это обосновывать. Главное для нас заключается в том, что, несмотря на тотальное господство ислама в Туркестане, он даже в этот период не был единственной религией в регионе – кроме него здесь жили приверженцы иудаизма и индуизма. Конечно, те и другие жили в Средней Азии в весьма униженных условиях, однако сам факт их присутствия свидетельствует о том, что в ней в той или иной мере, но все же существовали межрелигиозные и этноконфессиональные отношения.

Безусловно, все кардинально изменилось после присоединения Средней Азии к России. Через полтысячелетия сюда вернулось христианство всех направлений (православие, католицизм, армяно-григорианство, протестантизм и пр.). Понятно, что здесь уже не было приверженцев буддизма, и тем более зороастризма, но ряды адептов иудаизма расширились за счет притока, т. н. «европейских» евреев из «внутренних» губерний России. Больше стало и индуистов, которые теперь избавились от тех ограничений, которые были установлены для них мусульманами (например, кремация покойников).

Таким образом, с утверждением власти России в Туркестане здесь сложилась принципиально новая религиозная ситуация и, соответственно, адекватная ей система межрелигиозных и этноконфессиональных отношений. Однако это «новое» было «хорошо забытым старым», поскольку основные «игроки» в региональной религиозной жизни, несмотря на значительную разницу в численности их приверженцев, остались прежними: ислам, христианство, иудаизм и индуизм.

Разумеется, что главной и господствующей (теперь уже только в численном отношении) конфессией Русского Туркестана оставалась религия Пророка. Однако, как

отмечал П.П. Литвинов, «пришествие российской государственности и цивилизации в Среднюю Азию должно было неизбежно сломать многовековые порядки и подорвать монопольное господство ислама в жизни народов Туркестана. Доселе замкнутый в себе, он вынужден был открыться и вопреки своей воле вступить в разного рода контакты с «пришлыми» конфессиональными сообществами. Более того, в новых исторических условиях он должен был изменить характер своих отношений и с теми конфессиями, с которыми он ранее «сотрудничал» на привычной и выгодной для себя основе, то есть он утратил право безраздельного господства над среднеазиатскими евреями и индусами. Теперь во взаимосвязях с ними он был вынужден придерживаться российских порядков, весьма благоприятных для последних. Он сохранил свое небрежение ими на бытовой почве, но извлечь из него былую пользу для себя уже не имел возможности» [8, с. 216].

С этим мнением вполне можно согласиться, поскольку в среднеазиатских ханствах многие евреи выступали в роли ростовщиков, запрещенных, как известно, мусульманским правом (шариатом). У некоторых из них накапливались значительные средства, и даже правители ханств порой брали у них займы, причем, понятно, под процент. Так, бухарский эмир Сейид Насрулла Багатур-хан однажды занял у самаркандских евреев 20 тыс. золотых (80 тыс. руб. – *И.В.*), но не смог отдать их в установленный срок. Как достойный мусульманин он расплатился с ними большим участком земли (свыше 30 га), на котором вскоре возникла знаменитая на всю Среднюю Азию «Джугуд-махалля» («Еврейский квартал»), известная в советское время как махалля «Красный Восток».

Однако не все среднеазиатские ханы отличались такой честностью, и многие из них откровенно вымогали у «капиталистских» евреев безвозмездные суммы, а порой и открыто насильно забирали их. С приходом России в Среднюю Азию ситуация поменялась, и «туземный» еврейский капитал стал быстро набирать силу, подчинив себе 18 из 20 отделений российских банков в регионе. Понятно, что этот фактор самым существенным образом повлиял на характер межрелигиозных и этноконфессиональных (мусульмано-еврейских) отношений. Даже в среднеазиатских ханствах (протекторатных вассалах России) отношение властей к коренным («туземным») евреям тоже стало иным – более терпимым.

На почве ростовщичества, в основном, формировались и исламо-индуистские отношения в Русском Туркестане, причем индусские займодавцы «драли» с мусульман до 180 %. В основном они обирали сельских жителей – производителей хлопка. В случае неуплаты долга индусы забирали имущество должников, обрекая их на нищету. Естественно, что это не могло не вести к росту напряженности этноконфессиональных отношений на данном «фланге» межрелигиозных связей в Русском Туркестане.

Неудивительно, что первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман 27 октября 1877 г. вынужден был издать циркуляр, которым «обязал индусов-ростовщиков в течение 6 месяцев реализовать приобретенные за долги имущества и запретил приобретать таковые впредь. Местная администрация получила возможность применять к индусам-нарушителям строгие административные меры» [8, с. 193]. Последняя, не менее других возмущенная «драконовыми» процентами ростовщиков-индусов, столь рьяно исполняла предписания кауфмановского циркуляра, что они стали спешно покидать пределы края. Кауфману пришлось издать 10 июня 1878 г. новый документ, в котором указывалось, что продажа имущества индусов должна касаться только земель сельскохозяйственного назначения, а не городских (домов, торговых лавок, караван-сараев и т. п.). После этого индусы успокоились, однако их отношения с мусульманами остались прежними. Вообще, мы считаем нужным заметить, что доля приверженцев индуизма в системе межрелигиозных и этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане всегда была весьма незначительной.

Этноконфессиональные отношения в Русском Туркестане

Что касается отношений ислама с христианскими конфессиями, то, разумеется, прежде всего следует отметить его межрелигиозные и этноконфессиональные связи с русским православием. Мусульмане Средней Азии прекрасно понимали, что православные христиане есть приверженцы «господствующей» в Российском государстве религии, имеющей особенный, отличный от всех прочих, статус – привилегированный и преимущественный. Понятно, что это самым непосредственным образом влияло на характер межрелигиозных и этноконфессиональных отношений ислама и православия в Русском Туркестане.

Официально признанное царской властью мусульманское духовенство региона на всех торжественных мероприятиях и церемониях славословило не только гражданскую, но и церковную (православную) власть в лице епархиального архиерея либо других присутствовавших авторитетных представителей Русской православной церкви, как правило, заслуженных протоиереев, участвовавших в присоединении и обустройстве Туркестанского генерал-губернаторства (края). В городах мусульмане нередко посещали богослужения в православных церквях, привлеченные мелодичным колокольным «звоном» и хоровым пением. В целом, по признанию большинства современников и исследователей, исламо-православные отношения в Русском Туркестане были достаточно терпимыми.

В «коренных» областях Туркестанского края (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской), где оседлое мусульманское население было особенно «твердым» в вере, православные (как, впрочем, и все иные – христианские) богослужебные учреждения не подвергались нападению даже во время мусульманских бунтов. Только кочевники-киргизы, чья исламская религиозность была весьма поверхностной, в дни восстания 1916 г. сожгли несколько церквей в селениях Пржевальского уезда и разграбили Иссык-кульский монастырь, перебив часть не успевших укрыться на острове монахов.

Вместе с тем нельзя сказать что ислам в Средней Азии отличался исключительной «верноподданностью». Отнюдь. Везде, где это было возможно, он наступал на позиции «господствующей веры». Особенно это было ощутимо на ниве прозелитизма. За время российского присутствия в Туркестане исламу удалось привлечь в ряды своих адептов многие десятки православных верующих [См.: 7, с. 227–241; 9, с. 131–151].

Вообще, если учитывать все 52 года царской власти в Русском Туркестане (1865–1917), то можно прийти к выводу о том, что, в отличие от западных держав с их владениями, отношение мусульман к «государственной» религии было намного более толерантным, чем, например, отношение мусульман к англиканской церкви в Британской Индии.

К негосударственным христианским конфессиям отношение мусульман Русского Туркестана было, разумеется, иным. Зная о том, что у властей края есть проблемы с католической общиной, мусульмане демонстративно оказывали ей различные преференции. Например, когда глава католиков Туркестанского края «курат» Юстинас Пронайтис прибыл в 1902 г. в Ташкент, то мусульманское духовенство быстро нашло ему просторную квартиру в лучшем квартале города и в дальнейшем поддерживало с ним теплые, дружественные отношения. При этом, как это ни парадоксально, мусульмане в целом относились негативно к полякам-католикам, называвшим их «дикарями» и ведшими открыто, мягко говоря, неблагопристойный, с исламской точки зрения, образ жизни.

Простые мусульмане Средней Азии относились с некоторым недоверием к армянам-христианам, однако исламский «бизнес» в регионе охотно с ними сотрудничал в сфере торговли и предпринимательства – «гайканский» этнос считался по праву лучшим торговцем Азии.

К немецким протестантам Русского Туркестана мусульмане относились достаточно уважительно, поскольку в большинстве своем они служили в войсках и правительственных учреждениях. К тому же, все знали о том, что первый туркестанский

генерал-губернатор К.П. Кауфман был из немцев и один из его преемников Н.О. Розенбах был тоже из них. Не в меньшей мере им было известно, что генерал-губернаторы соседнего с Русским Туркестаном Степного края – М.А. Таубе и Е.О. Шмидт – были немцами. Следует заметить, что сами немцы в Средней Азии – лютеране, меннониты, адвентисты и др. – проявляли равнодушие к контактам с адептами религии Пророка.

Ближе всех из христианских конфессий ислам Туркестана сходилась с русскими сектантами – баптистами, молоканами, штундистами, «хлыстами», «шелопутами» и др. Безусловно, мусульмане учитывали, что «раскольники» (как их официально именовали царские власти) являлись «гонимыми» религиозными общинами, нуждавшимися в помощи. И они её получали от мусульман «в пику» российским властям. Известны, например, факты тесного и плодотворного хозяйственного сотрудничества мусульман с баптистами селений Верхне- и Нижне-Волынского, Ходжентского уездов, Самаркандской области. Мусульманам импонировали трезвость, рачительность, трудолюбие и т. п. христиан-«раскольников». Таким образом, в целом исламо-христианские отношения в Русском Туркестане составляли основной сегмент в системе межрелигиозных и этноконфессиональных связей в регионе.

Что касается внутрехристианских межрелигиозных и этноконфессиональных отношений, то они складывались неоднозначно, но в общем по Русскому Туркестану во многом определялись позицией и действиями «господствующей» церкви. У Православной церкви в Средней Азии сложились разные отношения с христианскими конфессиями региона. Туркестанский епископ Аркадий писал, что она «с осторожностью и вниманием относится... и к проживающим в пределах Туркестанской епархии католикам и протестантам»¹.

Под «протестантами» архиерей имел в виду лютеран, поскольку ниже подчеркивал, что они «любят зайти помолиться в православные храмы», хотя в Ташкенте у них была собственная кирха. Таким образом, слова епископа: «с вниманием» – относились к немецким протестантам, «с осторожностью» – относились, безусловно, к католикам, многие из которых были антироссийски настроенными. Ограниченными и сдержанными были отношения православной церкви в Туркестане с армяно-григорианской общиной. «Армянская» проблема возникла для епархиальных властей только с 1902 г., когда, согласно закону от 14 декабря 1900 г., под их «крыло» была передана Закаспийская область. Но суть проблемы заключалась не в религиозном противостоянии, а в попытках православного духовенства помочь администрации в борьбе с ростом армянского национализма. Со своей стороны армяно-григорианская церковь в Средней Азии вела себя по отношению к православию весьма корректно, сознательно избегая прозелитических действий. Отношение Православия к немецким сектантам (меннонитам и адвентистам) в Русском Туркестане было индифферентным, поскольку эти замкнутые национальные общины никогда не посягали на основы «господствующей веры» в империи.

Значительно сложнее складывались отношения православной церкви в Средней Азии с русскими христианскими конфессиями – старообрядчеством и сектантством. В идейной борьбе православия с «расколом» (старообрядчеством) было много традиционного и отжившего, и, к сожалению, туркестанские епархиальные власти нередко грешили и тем, и другим. Отношение православной церкви к русским сектантам было тоже дифференцированным. Например, контакты с молоканами были «мягкими» до тех пор, пока последние не занялись прозелитизмом. Однако и после этого открытой враждебности в православно-молоканских отношениях не наблюдалось. То же было характерно и для отношений с некоторыми «мелкими» сектами. Острая борьба православной церкви в Средней Азии с баптизмом была обусловлена тем обстоятельством, что не только в этом регионе, но и по всей России баптисты активно наступали на позиции «господствующей» церкви, отторгая от нее сотни и тысячи верующих. В Средней Азии, где русский человек

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1754. – С. 64.

был оторван от исторической "среды" православия, где в условиях многоконфессиональности и полиэтничности происходило «разложение» религиозного сознания православных верующих, деятельность баптистов была особенно опасной.

Отношения между неправославными христианскими конфессиями в Туркестанском крае были весьма ограниченными. Формировать те либо иные отношения с православной церковью их побуждало то обстоятельство, что она стояла рядом с государственной властью, на которую в известной мере могла влиять. Вступать в какие-либо отношения между собой их ничто не побуждало. На служебном, бытовом, деловом и прочих уровнях связи действительно имели место, но на сугубо конфессиональном они отсутствовали. Примером тому может служить Закаспийская область, где функционировали достаточно многочисленные католическая, лютеранская и армяно-григорианская общины. В документах отсутствуют упоминания о каких-либо совместных религиозных мероприятиях, ими проводимых. То же было характерно и для других областей Туркестанского генерал-губернаторства.

Вместе с тем было бы ошибочно полагать, что неправославные христианские конфессии функционировали в условиях полной изоляции. Они иногда достаточно активно общались между собой в организации массовых мероприятий, но не религиозных, а культурно-просветительных, благотворительных, праздничных и др. Во время торжественных церемоний, проводимых властями по тому или иному поводу, делегации от христианских конфессий активно общались между собой и выступали, как правило, вместе, демонстрируя единство всего христианского населения края. Но такое «единение» носило эпизодический характер и, понятно, не имело под собой глубокой, прочной основы. Таким образом, говорить о единстве христианского мира в Средней Азии не представляется возможным.

В свою очередь, основным пунктом в межрелигиозных и этноконфессиональных связях христианских общин в Средней Азии было их отношение к исламу. Понимая это, военная администрация Русского Туркестана изначально выступила против миссионерской активности православия среди мусульманского населения Средней Азии, поскольку для всех прочих конфессий она была запрещена статьей 4-й «Устава духовных дел иностранных исповеданий»².

Нет оснований утверждать, что Русская православная церковь не предпринимала в Туркестане миссионерских усилий как по отношению к мусульманам, так и к адептам всех иных конфессий региона – закон определял такое её право. И случаи «победоносного» характера на этом поприще у православного клира Средней Азии имели место. Но туркестанская администрация, как отмечалось, не поощряла православного прозелитизма, в связи с чем власти Туркестанской епархии вынуждены были следовать её указаниям.

Однако в системе межрелигиозных и этноконфессиональных отношений в Туркестанском крае на поприще христианского прозелитизма «господствующую веру» заметно превосходили сектанты, причем они «отлавливали» души не мусульман, а именно православных. В государственных архивах Узбекистана и Казахстана хранятся сотни дел с прошениями православных верующих о разрешении им перехода в баптизм, адвентизм, молоканство и проч. До весны 1905 г. такие переходы были категорически запрещены. Как известно, 17 апреля 1905 г. царь Николай II вынужден был издать указ «Об укреплении начал веротерпимости»³.

Указ, как и ранее, запрещал переходы православных и иных христиан в «иноверные» конфессии – ислам, иудаизм, буддизм и др. Но он разрешал переходы из одной христианской конфессии в другую. Однако число переходов православных в ислам после указа стало резко возрастать. В 1908 г. "Туркестанские епархиальные ведомости" писали,

² Свод законов Российской империи. – 1857. – С. 5.

³ ПСЗРИ-3. – Т. 25. Отд. 1. – СПб., 1908. – № 26125. – С. 257–258.

что «переходы из православия в мусульманство... настолько стали делом заурядным, что уже никого не удивляют»⁴.

Таким образом, общее снижение православной религиозности в стране в предреволюционный период, вызванное сложным комплексом разного рода причин, давало знать о себе и в Русском Туркестане. Некоторые правительственные и церковные деятели склонны были видеть в этом происки ислама и призывали к ужесточению борьбы с ним законодательным и административным образом. Предложения такого рода звучали и на V Всероссийском миссионерском съезде, работавшем в 1910 г. в Казани и специально посвященном вопросам «антимагометанской» борьбы. Однако выступивший на съезде известный российский исламовед и туркестанский общественный деятель Н.П. Остроумов предупредил, что обострение отношений православия с исламом в Средней Азии может породить такой «мусульманский вопрос» в России, «который будет бесконечнее и опаснее польского, еврейского и финляндского вопросов» [8, с. 140].

Съезд согласился с ним и принял так называемые «10 тезисов» противодействия исламу в Туркестане, весьма умеренных по своему содержанию.

Заключение

Система межрелигиозных и этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане была сложной и многообразной. Ислам, который исповедовало большинство жителей региона, учитывал новые обстоятельства российской власти и старался адаптироваться к указанной системе. С христианством, прежде всего православием, мусульманское духовенство поддерживало дружественные и толерантные отношения, а «господствующая вера» относилась к туркестанскому исламу с пониманием и уважением. Эта система была достаточно эффективной основой для сотрудничества и взаимодействия мусульман Средней Азии с православными христианами и представителями иных конфессий Российской империи, создания условий для ускоренной модернизации регионов России с преобладающим мусульманским населением.

Мир знает крайне мало примеров модернизации исламских стран. Советские республики Средней Азии – один из них, и едва ли не самый успешный. Необходимо подчеркнуть, что не просто экономический подъем, но и современное цивилизационное развитие региона началось уже после присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX века. В советский период этот процесс принял характер подлинного «экономического чуда» благодаря невиданным в истории человечества темпам подъема экономики и культуры народов Средней Азии. Например, ключевых показателей в здоровье и образовании населения, достигнутых в регионе 40 лет тому назад, соседние государства смогли достичь лишь в настоящее время либо так до сих пор и не достигли [См.: 1].

Литература

1. Данилов А.А., Филиппов А.В. (ред.) Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. – М.: Центр общественных технологий, 2009. – 199 с.
2. Долотов А. В. Веротерпимость среднеазиатских народов: прошлое и настоящее // Вестник Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына. Серия 1. Гуманитарные науки. – Вып. IV. – Бишкек, 2004. – С. 68–71.
3. Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002. – 348 с.
4. Кызласов Р.Л. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–11.

⁴ Туркестанские епархиальные ведомости. – 1908. – № 7. – 1 апреля.

5. *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи Средневековья и Нового времени): монография. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2006. – 378 с.
6. *Литвинов П.П.* Благовест над землями ислама: Русский Туркестан. (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 538 с.
7. *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по архивным материалам): монография. – Елец: Елецкий государственный педагогический институт, 1998. – 320 с.
8. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. – Елец: ЕГПИ, 1996. – 230 с.
9. *Литвинов П.П.* От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.) // *Собор: альманах по религиоведению.* – Елец: ЕГПИ, 1999. – С. 131–151.
10. *Мухамеджанов А.Р.* История Узбекистана (IV – начало XVI в.). – Ташкент, 2003. – 296 с.
11. *Шуриц Г.* История человечества. Средняя Азия и Сибирь. – СПб., 2004. – 204 с.
12. *Яхьяев М.Я.* К вопросу об экстремизме в исламе // *Исламоведение.* – 2015. – Т. 6, № 2 (24). – С. 64–76.

References

1. Danilov A. A., Filippov A.V. (red.) *Pribaltika i Srednyaya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii i SSSR: mify sovremennykh uchebnikov postsovetskikh stran i real'nost' sotsial'no-ekonomicheskikh podschetov.* [The Baltic States and Central Asia as Parts of the Russian Empire and the USSR: the Myths of Modern Textbooks of Post-Soviet Countries and the Reality of the Socio-Economic Statistics] Moscow: Tsentr obshchestvennykh tekhnologii [The Center for Public Technologies], 2009. 199 s. (In Russian).
2. Dolotov A. V. Veroterpimost' sredneaziatskikh narodov: proshloe i nastoyashchee. [The Tolerance of Central Asian Peoples: the Past and the Present.] *Vestnik Kyrgyzskogo Natsional'nogo universiteta im. Zhusupa Balasagyna.* [Bulletin of Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University] Vol.1. Gumanitarnye nauki. Iss. IV. Bishkek, 2004. S. 68–71. (In Russian).
3. Vladimir, Mitropolit Bishkekskii i Sredneaziatskii. Zemlya potomkov patriarkha Tyurka. Dukhovnoe nasledie Kirgizii i khristianskie aspekty etogo naslediya. [The Land of Patriarch Turk's Descendants. The Spiritual Heritage of Kyrgyzia and the Christian Aspects of this Heritage.] Moscow, 2002. 348 s. (In Russian).
4. Kyzlasov R.L. Severnoe manikeistvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii. [Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Siberian and Central Asian Peoples.] *Vestnik Moskovskogo universiteta.* [Bulletin of Moscow State University] Vol. 8. Istoriya. 1998, № 3. S. 8–11. (In Russian).
5. Litvinov V.P. Religioznoe palomnichestvo: regional'nyi aspekt. (Na primere Turkestana epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni): monografiya. [The Religious Pilgrimage: a Regional Aspect. (Case Study of Turkestan in the Middle Ages and the Modern Period): monograph.] Yeletskii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ. [Ivan Bunin Yelets State University Press] Yelets, 2006. 378 s. (In Russian).
6. Litvinov P.P. Blagovest nad zemlyami islama: Russkii Turkestan. (Po arkhivnym, pravovym i inym istochnikam). [Chime over the Land of Islam: Russian Turkestan. (Based on archival, legal, and other sources).] Yeletskii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ.[Ivan Bunin Yelets State University Press] Yelets, 2014. 538 s. (In Russian).
7. Litvinov P.P. Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. 1865-1917. (Po arkhivnym materialam): monografiya. [The State and Islam in Russian Turkestan. 1865–1917. (Based on archival materials): monograph] Yeletskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ. [Ivan BuninYelets State Pedagogical Institute Press] Yelets, 1998. 320 s. (In Russian).
8. Litvinov P.P. Neislamskie religii Srednei Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): monografiya. [Non-Islamic Religions of Central Asia (the second half of the 19th – early 20th centuries): monograph.] Yeletskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ. [Yelets State Pedagogical Institute Press] Yelets, 1996. 230 s. (In Russian).

9. Litvinov P.P. Ot Khrista k Magometu: religioznoe renegatstvo v Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX vv.). [From Christ to Mohammed : Religious Apostasy in Central Asia (the late 19th – early 20th centuries).] Sobor. (Al'manakh po religiovedeniyu). Yelets: Yeletskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut [Convocation. (Almanac on Religious Studies).Yelets State Pedagogical Institute Press] Yelets, 1999. 131–151 s. (In Russian).
10. Mukhamedzhanov A.R. Istoriya Uzbekistana (IV – nachalo XVI vv.). [History Of Uzbekistan (the 4th – early 14th centuries).] Tashkent, 2003. 296 s. (In Russian).
11. Shurts G. Istoriya chelovechestva. Srednyaya Aziya i Sibir'. [Human history. Central Asia and Sibiria.] Sanct-Peterburg, 2004. 204 s. (In Russian).
12. Yakh'yaev M.Ya. K voprosu ob ekstremizme v islame. [To the Issue of Extremism in Islam.] Islamovedenie [Islamic Studies, the journal of Dagestan State University], vol. 6, № 2 (24). Makhachkala, 2015. 64–76 s. (In Russian).